

Лана Вебер

Тёмный мёд

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Лана Вебер
Тёмный мёд

«Автор»

2026

Вебер Л.

Тёмный мёд / Л. Вебер — «Автор», 2026

Посвящается тем, кто хоть раз был чьей-то одержимостью. И тем, кто сам становился одержим. Тем, кто влюблялся в психопата. И тем, кто сам им был.

© Вебер Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
ЗНАКОМСТВО С КЛЕТКОЙ	5
Глава 2	8
ПЕРВЫЙ ГЛОТОК	8
Глава 3	12
ПУСТОТА И ИСКРА	12
Глава 4	17
СТЕКЛО И КАМЕНЬ	17
Глава 5	21
ОДЕРЖИМОСТЬ	21
Глава 6	23
НОВАЯ КОЖА	23
Глава 7	30
ПАУТИНА	30
Глава 8	35
ТИШИНА	35
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Лана Вебер

Тёмный мёд

Глава 1

*Пригород поместья Блэквудов
Кэрлайн Блэквуд*

ЗНАКОМСТВО С КЛЕТКОЙ

— Ты будешь заглывать этот нож, Кэрролайн, — его пальцы до боли сжали ее волосы, заставляя запрокинуть голову. — И если будешь хорошей девочкой, то наградой будет мой член.

В его глазах горело привычное животное желание подчинять, но Кэрролайн смотрела сквозь него. Прикосновения и резкие слова внезапно стали чужими, будто все это происходило не с ней, а с кем-то другим. Повинуясь его движению, она замерла, но ее мысли уже были далеко. Стены комнаты словно раздвинулись, поглощая его голос и превращая реальность в туман. Она перестала здесь быть, привычно сбегая в единственное место, где ей было безопасно.

Ночная тишина. В ней можно было дышать....

Утром она была холодной, как нелюбимый завтрак, который нужно съесть. Днём — натянутой, как струна, готовая лопнуть. А ночью — глубокой, почти живой. Той, в которой слышно, как плетётся паутина.

За окном садовник подстригал кусты. Я сидела на кровати и смотрела на стеклянный террариум в углу комнаты. Там, в кокосовом субстрате, перебирал мохнатыми лапками старый птицеед размером с блюдце. Чёрный, с медным отливом на брюшке. Его движения были медленными, почти гипнотическими. Лапка за лапкой. Нить за нитью. Он не торопился. Ему некуда спешить.

Таких в моей комнате было двое. Мексиканский красноногий птицеед по имени Шелоб и кудрявый птицеед по имени Нокс.

Беатрис их не выносила. Но не трогала. Память об отце — единственное, что она не решалась выбросить.

Он подарил мне первого паука на восьмой день рождения.

«— Живые существа делятся на полезных и бесполезных, Кэрролайн, — сказал он тогда, опускаясь на корточки, чтобы быть со мной одного роста. Его руки — тёплые, большие, пахнущие антисептиком — держали стеклянную банку с мохнатым комком внутри. — Но все они достойны жизни. Даже те, кого боятся. Даже те, кого не понимают. Посмотри на него. Он маленький. Его можно раздавить одним пальцем. Но он плетёт паутину. Он ждёт. Он терпелив. Этому стоит поучиться».

Папа был хирургом. Спасал людей. Но никогда не брезговал и теми, кого обычно обходят стороной. Выживал бездомных собак. Лечил соседских кошек. Беатрис это когда-то восхищало. «Твой отец — святой», — говорила она, и в её голосе не было сарказма. Только любовь. Настоящая. Живая. Та, от которой у неё самой светлели глаза.

Всё изменилось. Он умер, когда мне было девять.

Я почти не помню его лица — только руки. И голос. Спокойный. Низкий. Который никогда не повышался. Даже когда Беатрис кричала. И в этих криках отец из святого превращался в слабака.

«Твой отец был слишком мягким. Слишком добрым. Доброта не спасла его. Доброта вообще никого не спасает, запомни это, Кэролайн». Она говорила это с горечью, от которой у меня сводило живот. Как будто его смерть была его собственной виной. Как будто он предал её, когда умер.

Но я помнила другое. Я помнила, как она смотрела на него, когда он входил в комнату. Как поправляла ему воротник перед операциями. Как плакала — тихо, беззвучно, думая, что никто не видит, — в первую ночь после похорон. Она любила его. Я знала это. Но любовь после смерти стала для неё слишком тяжёлой ношей, и она превратила её в презрение.

— Кэролайн! — крикнула мама где-то вдали от моей комнаты.

Дверь распахнулась, без стука. Беатрис никогда не стучала — она входила, как хозяйка, как судья, как человек, который уверен, что весь мир принадлежит ей по праву рождения. Чёрные волосы уже были собраны в идеальный пучок. Серые глаза сканировали комнату быстрее, чем я успела принять безобидное выражение лица.

— Ты ещё не одета? — спросила она с той особой интонацией, которая превращала любой вопрос в обвинение.

— Одетая, — ответила я, не двигаясь с подоконника.

— А вещи, собраны?

— Всё готово. Можешь проверить, — монотонно ответила я.

Она не проверила. Вместо этого перевела взгляд на террариумы, и её лицо приобрело то самое выражение: смесь брезгливости и раздражения.

— Ты же не собираешься везти их с собой?

— Нет, мама. Я не собираюсь везти пауков в общежитие. Хотя, уверена, соседка была бы в восторге.

— Не ёрничай.

— Я фантазирую.

Она проигнорировала. Беатрис всегда игнорировала то, что не вписывалось в её картину мира.

— И куда ты их денешь? Оставишь этот зверинец на моей шее?

— В клинику. Экзотическая передержка. Там есть специальный бокс для членистоногих. С температурным контролем, влажностью и профессиональным уходом. Им там будет лучше, чем мне в любом пятизвездочном отеле.

— Я не буду это оплачивать.

— Благо я наследница огромного состояния, что оставил мне папа.

При упоминании отца её лицо дёрнулось — едва заметно, но я заметила.

— Ладно, — сказала она, теряя интерес. — Машина будет через час. Будь готова.

Она вышла, не закрыв дверь. Каблуки простучали по коридору — ровно, ритмично. Я проводила её взглядом и закатила глаза. Привычка. Почти неконтролируемая.

Потом подошла к террариумам. Шелоб пошевелил мохнатой лапкой. Нокс повернул голову.

— Не скучайте, — сказала я тихо, коснувшись стекла. — Миссис Ходж отвезёт вас в клинику, как только я уеду. Она, правда, боится вас до полусмерти — но за тройную оплату её страх чудесным образом испарится. Удивительно, как деньги лечат фобии. Может, мне тоже начать брать плату за общение с матерью? Глядишь, разбогатею ещё до выпуска из университета. Нокс повернул голову — кажется, он оценил мой коммерческий талант. Шелоб пошевелил мохнатой лапкой: то ли «прощай», то ли «уйди, я сплю». У пауков с интонациями сложно.

Я выдохнула и отпустила переживания — не все, но те, что могла. С ними всё будет в порядке. А я я справлюсь. В конце концов, университет — это всего лишь новый жизненный этап.

Я беру сумку. В ней строгие дорогие костюмы, которые выбрала мне мама, и тайный гардероб в ручной клади: джинсы, толстовка, кроссовки.

Поправив серую юбку из тонкой шерсти — та немного кололась, если сидеть слишком долго, — я выпрямилась и посмотрела на себя в зеркало. Жакет сидел идеально по фигуре, но дышалось в нём с трудом: то ли из-за кроя, то ли из-за того, что его выбирала мать. Под ним — кремовая шёлковая блуза, застёгнутая до самого горла. Ни единой лишней складки. Туфли-лодочки на каблуке добавляли мне лет десять — во всяком случае, я почувствовала себя именно так.

Я вышла в сад. Беатрис называет его «парком» — ей нравится, как это звучит на званых ужинах. «Наш парк», — говорит она, обводя рукой ровные газоны и подстриженные кусты. Но я помню этот сад другим. Когда-то здесь росли дикие розы — отец посадил их, когда женился на Беатрис. Но роз давно нет. Она велела выкорчевать их через год после смерти отца. Сказала, что они разрослись и портят вид. Я не спорила. Я была ребёнком.

А теперь я выросла и покидаю этот дом по-настоящему.

— В машину, — торопит меня Беатрис.

Я сажусь. Дверь закрывается. Дом отступает в зеркале заднего вида — медленно, как вода во время отлива. Я не оборачиваюсь. Я смотрю вперёд.

Через час я въеду в новую клетку. Через час начнётся новая жизнь. Но впервые за восемнадцать лет у этой клетки есть дверь. И где-то лежит ключ.

Глава 2

*Элитное общество «Элизиум»
Кэролайн Блэквуд*

ПЕРВЫЙ ГЛОТОК

В машине пахло кожей и мамиными духами — чем-то цветочным, тяжёлым, что оседало в лёгких и не выветривалось до конца поездки. Я сидела у окна, прижавшись виском к прохладному стеклу, и смотрела, как за окном проплывают поля, потом пригороды и первые городские здания.

Беатрис говорила без остановки. Её голос звучал ровно, размеренно — так она разговаривала с персоналом, с деловыми партнёрами, со мной. Разницы не было.

Я не слушала. Просто смотрела на дорогу и ждала, когда мы приедем. Там, впереди, была новая жизнь. Может быть, хоть где-то у меня получится дышать без вечного давления на грудную клетку.

Машина свернула к воротам кампуса. Я выпрямилась.

— Дальше ты сама, — сказала она, не оборачиваясь. — Я не поеду в эту... толпу.

Я выглянула в окно. Толпа действительно была. Студенты, родители, машины, чемоданы, крики, смех — всё смешалось в один огромный клубок звуков. Кто-то тащил коробки, кто-то обнимался на прощание, кто-то бежал с картой в руках, явно опаздывая. Жизнь кипела. Настоящая жизнь.

— С расписанием разберёшься сама, ты же умная девочка, Кэролайн. И помни...

— Никаких глупостей, — закончила я за неё.

Она поджала губы. Её серые глаза скользнули по мне — оценивающе, как всегда. Идеальный пучок чёрных волос блестел в солнечном свете.

— Ты — Блэквуд, — сказала она. — Веди себя соответственно.

— Да, мама, — послушно выдавила я.

Она не обняла меня. Просто кивнула и отвернулась. Я вышла из машины, захлопнула дверь и смотрела, как чёрный автомобиль растворяется в потоке.

Я осталась одна.

Вокруг меня бурлил кампус. Девушки в дизайнерских платьях, парни в пиджаках, которые стоили больше, чем иной автомобиль. Кураторы с планшетами метались между группами первокурсников, выкрикивая фамилии. Элитный университет «Лоутергейт». Место, где учились дети политиков, бизнесменов и тех, кто привык, что мир вращается вокруг них.

Я не была исключением. Моя фамилия тоже значилась в списках — Блэквуд. Она весила больше, чем я сама. Династия врачей: прадед — клиника, дед — сеть клиник, отец — светило хирургии, которое погасло слишком рано. Деньги, статус — всё заработано их руками. А я... я с четырёх лет складывала числа. Отец говорил: «У тебя мозг математика, Кэролайн. Не ломай его скальпелем». Он шутил, но я запомнила. Я выбрала математику не потому, что не любила медицину. А потому, что числа были моим способом дышать. Единственным, что никогда не

вралю. Я гордилась своей фамилией. Но боялась, что сама по себе — без наследства, без врачебного дара, без материнского одобрения — ничего не стою.

Поправив сумку на плече, я уже собиралась пройти через ворота, когда повернулась на звук.

Не громкий. Спокойный. Но каждое слово — как лезвие:
— Быстрее, Софи. Соображай быстрее.

У обочины стоял красный мотоцикл. Рядом с ним — парень. Чёрные волосы, слегка небрежные, падающие на лоб. Голубые глаза — ледяные, почти прозрачные. Широкие плечи, обтянутые чёрной футболкой. Он сидел на мотоцикле, расслабленно опираясь на руль, и смотрел на девушку, которая стояла перед ним, — яркую, ухоженную, явно привыкшую к другому приёму.

Девушка молчала. Её лицо застыло где-то между растерянностью и обидой. Она явно не ожидала такого ответа. Я не слышала, что она говорила до этого, — только эту фразу. Но по тому, как он её произнёс, было ясно: он только что поставил точку. Без злости. Без удовольствия. Просто — точка.

Девушка развернулась и ушла. Быстрым шагом. Спина напряжена. Он проводил её взглядом — равнодушным, почти ленивым. А потом повернул голову. Медленно. С расстановкой. И посмотрел на меня.

Я не отвела глаз. Не потому что была смелой. Просто забыла, как это делается.

Он смотрел на меня — не так, как смотрят парни на девушек. Не с интересом. Не с восхищением. Скорее — с холодным любопытством. Его взгляд был тяжёлым, изучающим — и абсолютно спокойным. Никакой нервозности. Никакого желания понравиться. Просто наблюдение.

Я считала секунды. Пять. Десять.

А потом уголок его губ дрогнул. Не улыбка. Скорее — удовлетворение. Как будто я только что подтвердила какую-то его гипотезу. Как будто он ждал от меня именно этого — и я не подвела.

Он не отвернулся. Продолжал смотреть. Минуту. Две. Три. Я чувствовала его взгляд кожей — тяжёлый, не пропускающий. Он изучал меня так же, как до этого отшил ту девушку: без эмоций. Просто потому что ему было интересно.

А потом к нему подошёл парень. Светлые кудрявые волосы, очки в тонкой оправе. От него не веяло холодом. Он улыбался. Двигался энергично, жестикнул плечу так, будто они были друзьями сто лет. От него исходила праздничная атмосфера — как от человека, который только что провернул удачную сделку и теперь ищет, с кем бы это отметить.

Они обменялись парой фраз. Беловолосый что-то сказал — быстро, оживлённо, — мотоциклист ответил коротко, не оборачиваясь. И через минуту оба уехали: один на мотоцикле, второй на машине — дорогой, чёрной, с тонированными стёклами.

Я выдохнула. Только сейчас поняла, что всё это время почти не дышала.

«Что это сейчас было?»

Вопрос пульсировал в висках. Я стояла у ворот кампуса, сжимая ручку сумки, и пыталась собрать мысли в кучу. Парень на мотоцикле. Он смотрел на меня. Не на толпу — на меня. Несколько минут. Не отводя глаз. А до этого — отшил ту девушку, так холодно и безжалостно, что у меня до сих пор мурашки по коже.

«Кто он такой? Почему он пялился на меня? И что это была за фраза — «соображай быстрее»? Как будто эта девушка была помехой. Как будто он вообще не считал её за человека. А потом повернулся — и посмотрел на меня. Так, будто я была следующей. Следующей в каком-то списке, о котором я ничего не знаю».

Я перевела взгляд на дорогу, где только что скрылись красный мотоцикл и чёрная машина. Светловолосый парень — тот, с праздничной улыбкой, — был полной противоположностью своему другу. Энергичный. Живой. Рядом с ним, наверное, легко находиться. Рядом с мотоциклистом — нет. Рядом с мотоциклистом холодно. Опасно. И... любопытно.

«Почему мне любопытно? Я должна была испугаться. Я должна была забыть его через секунду. Но я стою здесь и думаю: кто он?»

Я тряхнула головой. Глупости. Просто парень на мотоцикле. Просто случайный взгляд. Просто день заезда, полный суеты и новых лиц. Но что-то внутри меня — тихое, глубокое, то, что я обычно не слушала, — говорило: это не случайность. Это начало.

Я развернулась и пошла к «Элизиуму». Спина прямая. Шаг ровный. Но мысли всё ещё крутились вокруг одного. Кто он? И почему я хочу узнать это.

Общежитие «Элизиум» находилось в восточной части кампуса. Трёхэтажное здание из белого кирпича, с колоннами у входа и витражными окнами. Оно больше походило на отель, чем на студенческое общежитие. Вокруг суетились первокурсники — растерянные, возбуждённые, кто-то уже громко жаловался, что его комната «недостаточно просторная». Их родители — дамы в жемчугах и мужчины в дорогих пальто — раздавали указания кураторам.

Кураторы — молодые люди в одинаковых бордовых жилетах — носились между группами, выкрикивая фамилии и раздавая ключи. Обычная процедура: первокурсников встречают, провожают в комнаты, помогают с вещами.

Я не нуждалась в помощи. Беатрис прислала мне план кампуса ещё месяц назад, вместе с расписанием и списком «рекомендованных знакомств». Хоть где-то её дотошность приносила пользу.

Моя комната была на втором этаже, угловая, с видом на парк. Я знала номер. Я знала дорогу.

Я прошла мимо кураторов, не останавливаясь. Никто не окликнул меня. Никто не заметил.

Внутри пахло свежей краской и дорогим деревом. Полы мраморные, лестница с коваными перилами, на стенах — картины в золочёных рамах. «Элизиум» действительно был элитным. Для сливок общества. Для тех, чьи родители могли позволить себе «пожертвование» на строительство нового крыла.

Я поднялась на свой этаж. Коридор был пуст — большинство студентов ещё толпились внизу, ожидая своей очереди на регистрацию. Я нашла нужную дверь. Номер двести одиннадцать.

Ключ лежал в конверте, который мне прислали заранее. Я открыла дверь и вошла.

Комната оказалась меньше, чем я ожидала.

Две кровати, два стола, два шкафа — всё симметрично. Левая половина уже была обжита: постер рок-группы Queen, разбросанные учебники, кружка «Журналисты делают это громко», гирлянда. Пахло кофе, корицей и свободой.

Правая половина пустовала. Моя. Соседки не было. Это к лучшему, подумала я. Спокойно разберу вещи, пока никого нет.

Я подошла к окну. Из него открывался вид на парк, в котором я обязательно прогуляюсь этой ночью, и на кусочек дороги, ведущей к воротам. Дорога была пуста.

Я закрыла шторы. Села на кровать. Вдохнула поглубже. Здесь пахло иначе — не так, как дома. Здесь пахло возможностью.

Завтра начнутся занятия. Нужно посмотреть расписание, потом прогуляться. А пока — тишина. И первый глоток свободы, который я сделала, стоя у окна и глядя на пустую дорогу.

Глава 3

Элитное общество «Элизиум»
Николас Торн

ПУСТОТА И ИСКРА

Я ждал Кристиана.

Он снова опаздывал. Впрочем, как всегда. Я сидел на мотоцикле у ворот Элизиума, курил уже четвёртую сигарету и смотрел на толпу. Первокурсники, родители, кураторы с планшетами. Муравейник. Я не любил муравейники. Слишком много шума. Слишком много людей, которые ничего не значат.

— Привет, — произнесла незнакомая мне девушка.

«Шестая. Или седьмая? Я сбился со счёта. Кристиан, мать твою, где ты? Ты сказал, что отойдешь на пять минут, а прошло уже сорок. Сорок минут я сижу на этом мотоцикле, как витринный экспонат, а они идут. Одна за другой. Как будто у меня тут запись».

Я поднял глаза. Блондинка. Хорошая фигура. Дорогое платье — не кричащее, со вкусом. Улыбка уверенная, но не наглая. Пожалуй, самая симпатичная из всех, что подходили сегодня. Впрочем, это ничего не меняло.

— Я Софи. Ты, кажется, один и тебе скучно. Я права?

Я выдохнул дым, глядя сквозь неё.

— Ты видишь перед собой человека, который сидит на мотоцикле, курит и смотрит в пустоту. Из этого ты делаешь вывод, что мне скучно. Это интересный вывод. Но ошибочный. Мне не скучно, Софи. Мне никак.

Она моргнула, но улыбку не потеряла.

— «Никак»? Это как?

— Это когда тебе не хорошо и не плохо. Не весело и не грустно. Просто — ничего. Пустота. Ты когда-нибудь чувствовала пустоту, Софи? Настоящую. Не ту, что приходит после плохого дня, а ту, что живёт внутри постоянно. Как фон. Вроде есть, а вроде и нет.

Она молчала. Улыбка чуть дрогнула.

— Ты... странный.

Я затаился, выдохнул дым в сторону.

— Хочешь совет, Софи? Не подходи к странным. Странные не сделают тебе хорошо. Странные заставят тебя думать, а это больно. Ты не любишь думать. Я вижу это по твоему лицу. Ты любишь, когда всё просто. Привет — привет. Улыбка — улыбка. Может, проводишь? — может, провожу. У тебя простая жизнь, и это прекрасно. Не усложняй.

Она открыла рот, чтобы что-то сказать, но я не дал.

— Ты подошла ко мне, потому что у меня дорогой мотоцикл и лицо, которое тебе понравилось. Ты не знаешь, кто я. Ты не знаешь, чем я занимаюсь. Тебе плевать. Ты видишь картинку — и хочешь её себе. Как сувенир. «Смотрите, с кем я познакомилась». Но я не сувенир, Софи. Я даже не человек в том смысле, в каком ты привыкла это понимать. Я — функция. Я выполняю задачи. И ты — не задача. Ты — помеха.

Её щеки покраснели. Улыбка исчезла окончательно.

— Зачем ты так? Я же просто подошла...

— Ты просто подошла. Просто хотела познакомиться. Всё просто. А я не простой. Как уравнение, которое нельзя решить в уме. Ты не решишь меня, Софи. Даже не пытайся.

Она смотрела на меня — растерянная, обиженная. Я видел, как внутри неё борются желание ответить что-то резкое и желание просто уйти. Желание уйти победило.

— Ты... ты псих, — сказала она.

— Возможно. Но это не меняет того факта, что ты всё ещё здесь. — Я затыкнул в последний раз и затушил сигарету. — Соображай, Софи. Соображай быстрее. Уходи, пока я не решил, что ты мне интересна. А когда я решаю, что мне кто-то интересен, это плохо заканчивается.

Она развернулась и пошла. Быстро.

Я проводил её взглядом и усмехнулся. «Соображай быстрее». Надо запомнить эту фразу. Кажется, она работает.

«Седьмая будет через пять минут. Нет, вон она — уже присматривается. Девушка в жёлтом. Стоит и думает, подойти или нет. Подойдёт. Они всегда подходят».

Я уже собирался отвести взгляд и сделать вид, что очень занят созерцанием руля, когда заметил её.

Не девушку в жёлтом. Другую.

Серый костюм. Строгий, закрытый — юбка до колена, жакет по фигуре. Чёрные волосы — длинные, до талии. Мягкие волны спускались ниже плеч, переливались на солнце.

Толпа вокруг неё бурлила, но она была отдельно. Как тень, которая не принадлежит никому.

Она повернулась — видимо, услышала мой голос, когда я отшил Софи. И теперь смотрела на меня. Прямо. Без страха. Без кокетства. Просто смотрела.

Я повернул голову. Медленно. Встретил её взгляд.

«Янтарные. Глубокие. Ведьминские. Не в смысле злые или колючие — в смысле знающие. Так смотрят женщины, которые понимают больше, чем говорят. Она не паникует. Не краснеет. Не пытается понравиться. Просто смотрит — и в этом взгляде есть что-то древнее, что-то, от чего у меня внутри всё переворачивается. Как будто она видит меня настоящего. И не отводит глаз».

Я — тоже. Секунда. Две. Десять.

«Смелая. Или глупая. Или и то, и другое. Обычно люди отводят взгляд первыми. Ты — нет. Почему? Что ты такое? Ты видела, как я только что уничтожил очередную девушку. Ты слышала. И всё равно смотришь. Без страха. Без осуждения. Просто смотришь. Как будто я — задача, которую ты решаешь про себя».

Я улыбнулся — краем губ, почти незаметно. Но она заметила. Я видел, как дрогнули её ресницы — едва-едва. Она не отвернулась. Держалась.

Я продолжал смотреть. Она — тоже. Минуту. Две. Три. Это было... необычно. Как правило, люди чувствуют дискомфорт от моего взгляда. Отводят глаза. Начинают нервничать. Она — нет. Она стояла и смотрела, как будто мы играли в игру, правил которой я не знал. Я не люблю игры, правил которых не знаю. Но эту игру я хотел продолжить.

«Другая... Я пока не понимаю, в чём разница. Но я узнаю. Я разберу тебя на детали. Я найду твои слабые места. Я узнаю, что ты прячешь. И тогда... тогда посмотрим, останешься ли ты такой же спокойной».

— Торн, я закончил.

Голос Кристиана раздался сбоку. Я не сразу отреагировал — всё ещё смотрел на неё. Потом перевёл взгляд на друга.

Кристиан Вейл стоял рядом с машиной — белые волосы, очки в тонкой оправе, неизменный планшет в руке. Он выглядел так же, как всегда: спокойный, отстранённый, будто только что вышел из лаборатории, а не из общежития, где разбалтывал студентку ради информации.

— Всё чисто? — спросил я, не оборачиваясь к девушке. Она всё ещё стояла там. Я чувствовал её взгляд.

— Да. — Он убрал планшет в сумку и поправил очки. — А ты чего такой довольный?

— Обычный.

— У тебя улыбка на лице застыла. Это твоя версия довольства. — Кристиан сел в машину. — Поехали. Заказ ждать не будет.

Я завёл мотор. Надел шлем. Прежде чем сорваться с места, бросил последний взгляд в зеркало заднего вида. Она всё ещё стояла там. Прямая. Спокойная. В сером костюме. Волосы до талии.

Мы ехали. Кристиан — впереди, на своей машине. Я — следом, на мотоцикле. Дорога вилась через город, потом через промзону, где мы арендовали серверную. Ветер бил в лицо, но мысли всё равно крутились вокруг одного.

Девушка в сером. Кто она? Почему не отвела взгляд? Почему смотрела на меня так, будто я был для неё угрозой?

Я не привык, чтобы на меня так смотрели. На меня смотрят либо с желанием, либо со страхом. Она не показала ни того, ни другого. Она была... нейтральна. Спокойна. И это задело сильнее, чем я был готов признать.

Мы остановились у серверной. Кристиан вышел из машины, я заглушил мотор.

— Что за девушка? — спросил он, не глядя на меня.

— Какая? — Непонимающе произнес я.

— Та, на которую ты пялился. У ворот.

— Я наблюдал.

— Ты пялился, минуты три. — Он открыл дверь серверной и пропустил меня вперёд.
— Кто она?

— Пока не знаю. — Я стянул перчатки и бросил их на стол. — Но узнаю.

Кристиан хмыкнул. Он знал, что это значит. Когда я говорю «узнаю», это не праздное любопытство. Это начало работы. Новая цель.

— Ты же понимаешь, что это странно? — спросил он. — Ты никогда не интересуешься людьми просто так.

— Она странная.

— Разве? Я не ответил. Потому что сам ещё не понял.

Серверная гудела. Я сидел перед монитором, допивая уже пятую кружку кофе, и смотрел на строчки кода. Но мысли были не здесь. Они были там — у ворот кампуса, где стояла девушка в сером костюме.

Вот чем я занимаюсь. Я нахожу людей. Точнее — нахожу то, что они прячут. Страхи или секреты. А потом продаю эту информацию тем, кто готов заплатить. Иногда это муж, который хочет узнать, с кем спит его жена. Иногда — политик, который хочет убрать конкурента. Иногда — корпорация, которая ищет компромат на сотрудника. Я не убиваю. Не запугиваю. Просто ищу. Но то, что я нахожу, часто разрушает жизни. Это не моя вина. Я не заставляю людей изменять, воровать или лгать. Я просто нахожу доказательства. А что с ними делают заказчики — это их дело.

Кристиан — мой партнёр. Он химик. Синтезирует препараты, которые не оставляют следов. Мы работаем вместе уже три года. Он — единственный, кому я доверяю. Не потому что он хороший человек. Потому что он полезен.

В отличие от меня, он обаятельный, говорливый, с этой своей вечной улыбкой, от которой женщины теряют голову, а мужчины — бдительность. Он умеет нравиться. Он умеет быть центром внимания. Он заходит в комнату — и все сразу смотрят на него. Он этого и добивается. Ему нужно, чтобы им восхищались. Это его топливо. Его наркотик.

Мы с ним как две стороны одной монеты. Я — тень. Он — свет. Я не хочу, чтобы меня замечали. Он — хочет. Я презираю людей. Он — обожает играть с ними, как кошка с мышкой. Я работаю в тишине. Он — в овациях.

Но за этой обаятельной улыбкой скрывается холодный, расчётливый ум. Он — манипулятор. Он заставляет людей делать то, что ему нужно, и они даже не понимают этого. Они думают, что это их идея. В этом его талант. И наше сходство. Мы оба знаем: мир — это не сказка. В сказках добро побеждает зло. В реальности побеждает тот, у кого больше информации, денег и связей.

Мы не друзья. Мы — союзники. И этого достаточно.

Но сегодня что-то изменилось. Сегодня я увидел девушку, которая не вписалась ни в одну из моих категорий. Она не была целью. Не была заказчицей. Она была... никем. И одновременно — всем, о чём я не мог перестать думать.

Это раздражало. И интриговало. Я хотел понять. А когда я хочу понять — я не останавливаюсь.

Она.

Девушка в сером с прямой спиной и пухлыми губами, которые она наверняка никогда не красила яркой помадой. Прошла мимо, будто я был не человеком, а предметом мебели. Не задела. Не заметила. Просто прошла — и всё.

Ну хорошо. Давай поиграем, ведьмочка. Ты даже не представляешь, во что ввязалась. Вернее — во что я тебя ввяжу. Потому что я, блядь, обожаю игры, в которых я выигрываю. А я всегда выигрываю.

Я пролистал студенческую группу Лоутергейта. Меня добавляли туда постоянно — какие-то девицы надеялись, что я заявлюсь к ним на вечеринку и, видимо, сразу разложу их на бильярдном столе. Я не ходил. Мне было лень. Но сейчас чисто от скуки решил глянуть, кто там из новеньких. И нашёл её.

Кэролайн Блэквуд.

Фото с документов — строгий взгляд, ни намёка на улыбку. Я увеличил снимок и присвистнул. Она была красива. Янтарные глаза, чёткие скулы. И губы — пухлые, мягкие, такие, которые созданы не для того, чтобы поджимать их в праведном негодовании, а совсем для другого. Для медленного, влажного, глубокого... Я одёрнул себя. Реально, Торн? Тебя завели губы на фотке студенческого билета? Ты достиг дна.

Смотрит в камеру, как смотрит училка, когда ты не сдал домашку: «Я разочарована, но не удивлена». А под этим серым костюмом — я знал, я видел — скрывается фигура, от которой у любого мужика сорвёт крышу. Тонкая талия, плавные изгибы, бёдра, которые так и просятся в ладони. И грудь — она прятала её под жакетом, но я заметил. Я всегда замечаю. Тяжёлая, округлая — интересно, какая она на ощупь? Как реагирует на прикосновение?

Я смотрел на фото и представлял, как эта блузка расстёгивается. Медленно, пуговица за пуговицей. Как она краснеет — сначала шея, потом ключицы, потом грудь. Как пытается сохранить это своё грёбаное выражение лица — «я выше этого», — но дыхание уже сбито.

Как я провожу пальцем по этим пухлым губам, и они приоткрываются. Не для «нет». Для «пожалуйста, ещё».

Бедная девочка. Ты даже не представляешь, что можно сделать с твоим телом. Что можно заставить тебя почувствовать. Что от одного прикосновения можно разнести всю твою идеальную выдержку, как карточный домик. Что я могу заставить тебя стонать так громко, что соседи по «Элизиуму» будут жаловаться администратору.

Я допил кофе, усмехнулся и сунул телефон в карман. Никакого трепета. Просто любопытство. Просто захотелось понять, что это за девочка, которая прошла мимо и даже не взглянула. Которая не ведётся. Которая не ищет моего внимания

Посмотрим, кто выиграет, ведьмочка. Я уже в игре. А ты — даже не знаешь правил.

Глава 4

Элитное общество «Элизиум»
Кэролайн Блэквуд

СТЕКЛО И КАМЕНЬ

Комната оказалась меньше, чем я ожидала. Левая половина бурлила жизнью: постер рок-группы Queen, чьё название мне ни о чём не говорило, разбросанные учебники. Пахло кофе, корицей и свободой.

Моя половина была стерильно пуста. Бежевые стены. Белый потолок. Ничего.

Я как раз заканчивала развешивать костюмы — серый, бежевый, тёмно-синий, — когда дверь с шумом распахнулась.

— О, соседка! — Девушка, возникшая на пороге, была полной противоположностью мне. Светлые волосы, собранные в небрежный хвост, джинсы с дырками на коленях, футболка с логотипом группы, которую я не знала. В одной руке — бумажный стаканчик с кофе, в другой — связка ключей. — А я думала, ты завтра приедешь. Я Лора. Лора Брукс. Ты Кэролайн, да?

— Она самая, — я повесила последний жакет и повернулась.

Лора присвистнула, оглядывая меня с откровенным любопытством.

— Блэквуд. Ничего себе. Я видела твою фамилию в списках заезда и подумала — ну, знаешь, принцесса. Лошади, поместье, личный водитель. А ты... — она замялась, явно подбирая слова повежливее.

— А я выгляжу как бухгалтер на пенсии? — подсказала я.

Лора расхохоталась — громко, заливисто, без тени смущения.

— Как бухгалтер, который только что вышел из тюрьмы строгого режима! Господи, Кэролайн, что это за костюмы? Ты в них на похороны собралась или в университет?

Я невольно улыбнулась.

— Мать выбирала. Говорит, «соответствовать статусу».

— Твоя мать, конечно, женщина с фантазией, но у нас тут не похоронное бюро. — Лора плюхнулась на свою кровать, скрестив ноги. — Слушай, давай завтра сходим на шопинг. Тут рядом есть торговый центр. Не элитные бутики, в которых ты обитаешь, но джинсы и нормальные футболки там точно есть. Я помогу тебе выбрать что-нибудь, что не выглядит как униформа для сотрудников ритуальных услуг.

— Я не против, — сказала я и сама удивилась, как легко это вышло.

— Отлично! — Лора просияла и отхлебнула кофе. — Заодно расскажешь, что ты здесь забыла. Блэквуды — это же вроде врачи? Я слышала про сеть ваших клиник. А ты на кого учишься?

— Финансовая математика.

— Ого. — Лора уважительно покачала головой. — Цифры, проценты, биржевые сводки. Это же с ума сойти от скуки.

— Мне нравится. Цифры не врут. В отличие от людей.

— А я на журналистике, — она развела руками, будто извиняясь. — Полная противоположность: люди, их истории, их грязные секреты. Будем иногда пересекаться на философии — у нас смежные пары. Слушай, а ты не против, если я буду иногда просить тебя объяснить, что там Витгенштейн имел в виду? Я после его текстов чувствую себя так, будто меня переехал поезд.

— Не против. Если ты сможешь мне не выглядеть так, будто меня переехал поезд с музейными экспонатами.

— Договорились! — Лора хлопнула в ладоши. — Отличный тандем: математика и журналистика. Будем самой странной парой в этом «Элизиуме». Представь: я беру интервью у какого-нибудь профессора, а ты за моей спиной считаешь, сколько он зарабатывает в минуту.

— И сколько он недоплачивает налогов.

Лора снова засмеялась. Она смеялась так, будто это было самое естественное занятие в мире. Я поймала себя на том, что улыбаюсь в ответ. Рядом с ней было легко. Она не оценивала. Не сканировала взглядом. Просто была — шумная, громкая, настоящая.

Мы проговорили ещё час. Лора рассказывала о профессорах, о вечеринках, о том, как однажды заснула в библиотеке и её заперли на ночь. Я слушала и думала, что, кажется, впервые за долгое время кто-то говорил со мной не потому, что нужно, а потому, что хотелось.

Когда за окном начало темнеть, Лора зевнула и объявила, что ей «срочно нужно поспать, иначе завтра она уснёт прямо на лекции по философии и Витгенштейн останется непонятым навсегда».

— А ты? — спросила она, забираясь под одеяло.

— Прогуляюсь. Здесь рядом парк. Хочу подышать.

— В парке? Там темно вообще-то. И фонари не работают нормально. Ты уверена?

— Я не боюсь темноты.

Лора хмыкнула, но спорить не стала. Через минуту она уже спала — тихо, посапывая, как человек, у которого нет проблем с совестью.

Я подождала, пока её дыхание станет ровным, и тихо, стараясь не скрипеть половицами, подошла к сумке. Та самая ручная кладь, которую я собирала втайне от матери. Под стопкой учебников лежало то, что Беатрис никогда не видела: джинсы, толстовка с капюшоном, кроссовки. Моя настоящая одежда. Моя броня.

Я переоделась быстро, привычно — сказывались годы практики. Мягкая ткань легла на плечи, джинсы обняли бёдра, кроссовки оказались удобными, как старые друзья. Я выдохнула. В костюме я была Кэролайн Блэквуд — наследницей, студенткой. В этом — просто Кэролайн. Без фамилии. Без статуса. Без маски.

Я достала наушники и телефон. Лора перед сном говорила о какой-то группе. «Ты что, никогда не слушала Queen? Серьёзно? Врубай, иначе ты не человек». Ну, хорошо. Посмотрим, что ты такое, Queen.

Я включила песню. Первые аккорды ударили по ушам — что-то величественное, оперное, с надрывом. «Bohemian Rhapsody». Я вышла в коридор, закрыла дверь и направилась к выходу.

Парк встретил меня тишиной. Старые дубы, мощёные дорожки, тусклые фонари, которые скорее обозначали свет, чем давали его. Где-то вдалеке ещё слышались голоса — студенты гуляли, смеялись, но их было мало. Почти все разбрелись по комнатам: завтра первый день занятий, всем нужно выспаться. Кроме меня. Мне нужно было дышать.

Музыка в наушниках нарастала — гитары, голоса, и вдруг: «Мама, just killed a man...» Я чуть не споткнулась о бордюр. Серьёзно? «Мама, я только что убил человека»? Интересно, Лора специально включила мне трек про сына, который признаётся матери в убийстве, или это вышло случайно? В любом случае, ритм мне нравился. Тяжёлый. Живой. И текст, при всей своей театральности, был честнее, чем девяносто процентов того, что я слышала в нашем доме. Там хотя бы признавали преступление. В нашей семье его просто замалчивали.

Я шла по дорожке, вдыхая прохладный воздух, и думала о том, как странно всё сложилось. Университет. Соседка, которая смеётся. Завтрашний шопинг. Музыка, которую я никогда бы не включила сама. Казалось, что клетка, в которой я жила восемнадцать лет, наконец приоткрылась — совсем чуть-чуть, но достаточно, чтобы почувствовать сквозняк свободы.

Но тут я заметила движение, не сразу.

Он стоял под дубом, в тени, и если бы не тусклый свет фонаря, я бы прошла мимо. Высокий. Широкие плечи. Чёрная толстовка с капюшоном, надвинутым на лицо. И маска. Белая, с улыбающейся гримасой — неестественно широкой, застывшей, как у фарфоровой куклы, которую уронили и забыли подобрать. Глаз видно не было — только чёрные прорезы, за которыми пряталась тьма.

Я замерла.

Сердце пропустило удар. Он смотрел на меня. Я знала это, хотя не видела глаз. Его взгляд был тяжёлым, пристальным — таким, от которого затылок начинает зудеть, а пальцы сами сжимаются в кулак.

Я стянула наушники.

— Решил напугать? — Мой голос прозвучал ровнее, чем я ожидала. Хорошо. Пусть не думает, что я боюсь.

Он не ответил. Просто стоял и смотрел. Его молчание было густым, почти осязаемым. Я не видела его глаз, но чувствовала: он изучает меня. Как незнакомый вид.

— Обычно, когда люди хотят познакомиться, они не прячутся в кустах, — продолжила я. — Но, возможно, у тебя свой подход. Не буду спорить.

Тишина. Только ветер шелестел листвой. Я скрестила руки на груди — частично от холода, частично чтобы скрыть дрожь в пальцах.

— Ты немой? Или просто не любишь светские беседы? Понимаю. Я сама их не люблю. Но если ты ждёшь, что я закричу и убегу, то разочарую: я не кричу. И не бегаю. Слишком устала.

Он сделал шаг вперёд. Один. Медленный. Как хищник, который проверяет, не сбежит ли добыча. Я стояла на месте.

— Не подходи ближе, — сказала я. — Я ударю коленом в пах. Это неприятно. Проверено на практике.

Он остановился. И вдруг я услышала звук. Тихий, почти глухой. Он смеялся. Не вслух — где-то внутри, грудью. Этот беззвучный смех был страшнее любого крика.

А потом он двинулся снова. Быстрее, чем я ожидала. Я не успела отреагировать — его рука уже легла на мою талию, прижимая меня к стволу дуба. Другая рука упёрлась в кору рядом с моей головой. Я оказалась заперта между ним и деревом, как птица в клетке.

— Эй! — выдохнула я, упираясь ладонями в его грудь. Твёрдая. Очень твёрдая. Под толстовкой проступали мышцы — рельефные, горячие. Он был как стена. Как скала. — Личное пространство. Слышал о таком?

Он молчал. Его лицо было в нескольких сантиметрах от моего — белая маска, чёрные прорезы, ни единой эмоции. Я чувствовала его запах: кожа, табак, что-то металлическое, как воздух перед грозой. И тепло. От него исходило тепло — горячее, живое, несмотря на весь этот ледяной образ.

Его рука скользнула ниже — с талии на бёдра. Медленно. Не грубо — скорее изучающе. Как будто он пробовал меня на ощупь.

— Убери руки... — сказала я, но голос дрогнул.

Он не убрал. Вместо этого его вторая рука легла на мою талию с другой стороны, и теперь он держал меня обеими руками. Его большие пальцы скользнули под край толстовки — совсем чуть-чуть, касаясь голой кожи. Я вздрогнула. Не от холода. От чего-то другого.

— Ты вторгаешься, — произнесла я, стараясь, чтобы голос звучал холодно. — И, честно говоря, это немного жалко. Прятаться в маске, лапать незнакомых девушек в парке — у тебя что, настолько плохо с социальными навыками? Может, тебе записаться к психологу?

Он наклонил голову — и снова этот тихий, грудной смех. Его ладони продолжили движение. Они скользнули вверх по моей талии, задирая край толстовки. Я почувствовала его пальцы на своей коже — горячие, чуть шершавые. Он касался меня так, будто имел на это право. Будто я была его. И это бесило. И одновременно...

Он провёл ладонями вверх — по рёбрам, по талии... К груди. Остановился прямо под ней, не касаясь, но так близко, что я чувствовала тепло его пальцев. Моё дыхание сбилось окончательно. Сердце колотилось где-то в горле. Кожа горела. И где-то глубоко, внизу живота, разгоралось что-то тёплое, тянущее, пугающее.

— Ты... я сейчас закричу, — предупредила я, но голос не слушался.

— Ты смелая, — раздался шёпот. Низкий, с леденцой. — Или глупая. Я ещё не решил.

Его рука скользнула ниже — на живот, потом на бедро. Он провёл пальцами по внутренней стороне — медленно, едва касаясь. Мои колени ослабели. Я вцепилась в его плечи — в эти каменные плечи, которые даже не дрогнули. Я хотела оттолкнуть его. Хотела ударить.

— Отпусти, — сказала я, на этот раз без сарказма.

И он, на удивление, отпустил. Не сразу. Его пальцы задержались на моей коже ещё на секунду — как будто он запоминал. А потом отступил. Медленно. Плавно.

— Беги, ведьмочка. — Сказал он.

Я не стала спорить. Рванула с места быстрым шагом, который через несколько секунд перешёл в откровенный бег. Цепляя где-то вдалеке этот жуткий, протяжный смех. Кроссовки стучали по дорожке. Сердце колотилось где-то в горле. Ветер бил в лицо, но я не останавливалась, пока не добежала до дверей «Элизиума».

Только там, под ярким светом фойе, я позволила себе выдохнуть. Прижалась спиной к стене и закрыла глаза. Его запах всё ещё был на мне — табак, металл. И его прикосновение. Я всё ещё чувствовала его пальцы на своём теле.

«Кто ты такой? И почему, когда ты меня трогал, я не хотела, чтобы ты останавливался?»

Я поднялась в комнату. Лора спала. Я сбросила кроссовки, стянула толстовку и легла в кровать. Сердце всё ещё колотилось. Перед глазами стояла белая улыбка. Застывшая. Фарфоровая. Чужая.

И вопрос, который теперь не даст мне уснуть: кто ты? И почему я хочу почувствовать это снова?

Глава 5

*Квартира
Николас Торн*

ОДЕРЖИМОСТЬ

Я вернулся в квартиру около полуночи.

Душ не помог. Вода была почти ледяной, но я всё ещё чувствовал её запах на своей коже — сандал, старые книги, что-то древесное. И её тепло. Оно осталось на моих пальцах, как отпечаток. Я стоял под струями воды, закрыв глаза, и прокручивал в голове каждую секунду.

Как она стояла на месте. Как острила, даже когда я прижал её к дереву. Как её дыхание сбилось, когда мои пальцы скользнули под толстовку. Как она дрожала — но не от страха. От чего-то другого. От того же, от чего у меня сейчас был стояк, который не проходил уже полчаса.

«Блядь».

Я выключил воду, вытерся и прошёл в спальню. Квартира была пустой и тихой — как всегда. Но сегодня тишина раздражала. В ней было слишком много места для мыслей. А мысли были только о ней.

Она не закричала. Не ударила. Она смотрела на меня своими янтарными глазами — спокойными, изучающими, — и шутила. Даже когда я держал её за бёдра. Даже когда мои пальцы были в сантиметре от её груди. Она была напугана — я чувствовал это по дрожи, по тому, как колотилось её сердце, — но она не сломалась. Не сдалась. Она отвечала мне сарказмом. Она дёрнулась, пытаясь вырваться, хотя знала, что я сильнее. Она была... смелой.

И это заводило.

Я лёг на кровать, закрыл глаза, и передо мной снова возникла она. Распушенные чёрные волосы. Припухшие губы. Тонкая талия, которую я обхватил ладонями. Бёдра, на которых мои пальцы задержались дольше, чем нужно. Кожа — горячая, гладкая, с мурашками от моих прикосновений.

Я представил, как задираю её толстовку выше. Как она выгибается мне навстречу, хотя её разум ещё сопротивляется. Как стонет сквозь зубы, злясь на себя за это. Как смотрит на меня — уже не со страхом. С голодом.

«Чёрт».

Я открыл глаза. Стояк никуда не делся. Я сел на кровати, потянулся за телефоном. Если я всё равно не могу уснуть, то хотя бы узнаю о ней больше.

Её профиль в соцсетях был закрыт, но я уже взломал его раньше. В тот же день, когда впервые увидел её у ворот. Сейчас я открыл его снова — не для работы, не для заказа. Для себя.

Фотографий было мало. Кэролайн не выставляла свою жизнь напоказ — в этом мы были похожи. Никаких вечеринок, никаких пляжных снимков. Только редкие кадры: закат за окном. Стопка учебников. И пауки.

Первое фото. Крупный план. На ладони сидел паук — мохнатый, тёмно-коричневый, с медным отливом на брюшке. Птицеед. Подпись: «Шелоб. Мексиканский красавец. Наелся и спит». Её пальцы — длинные, тонкие — лежали на мохнатом брюшке с нежностью, которую не ожидаешь от человека, держащего паука. Она не боялась. Она... любила его.

Второе фото. Другой паук — кудрявый птицеед, с волнистыми волосками по всему телу. «Нокс. Сбежал из террариума, пришлось ловить под кроватью. Теперь дуется». Я хмыкнул. Она разговаривала с ними. Давала им имена. Шелоб и Нокс. Она держала пауков. И это было чертовски привлекательно.

Забавная... Не боится того, от чего другие визжат. Девушка, которая находит красоту в том, что другие считают уродливым. Девушка, которая касается мохнатого паука с такой нежностью, с какой другие касаются котят.

Я перевернулся на спину и уставился в потолок. Ведьмочка. Это прозвище прилипло к ней само собой, пока я листал её фотографии. Чёрные волосы до талии — тяжёлые, густые, как у колдуньи из старых легенд. Янтарные глаза — не карие, а именно янтарные, цвета мёда, цвета расплавленного золота. Такого цвета глаза бывают у тех, кто смотрит на тебя — и видит насквозь. И пауки. Она держала пауков, как фамильяров. Гладила их. Разговаривала с ними. Если бы я верил в магию, я бы сказал, что она — ведьма. Самая настоящая. Но я верил в факты. А факты говорили: эта девушка — нечто иное. Не мышка. Не тень. Ведьмочка. С глазами, в которых хочется утонуть. И языком, который острее моего. Она ещё не знает, что я уже её заметил. Что я уже начал охоту. Что я не остановлюсь, пока не узнаю всё.

«Ты полна сюрпризов, ведьмочка».

Я перешёл к её учебному профилю. Расписание. Первый курс, финансовая математика. И — вот оно. Смежная пара по философии. Вторник, десять утра. Аудитория триста четыре.

Я усмехнулся. Философия. Я не ходил на философию уже два года. Но, кажется, пришло время освежить знания.

Я отложил телефон и снова лёг. За окном шумел город. Где-то вдалеке выла сирена. Я смотрел в потолок и думал о ней. О том, как она дышала, когда я был рядом. О том, как её пульс бился под моими пальцами. О том, как она сказала «отпусти» — но всё в её голосе говорило: «не отпускай».

Я хотел увидеть её снова. Не в маске. Или в маске, но иначе — ближе, дольше, глубже. Я ещё не решил. Но вторник в десять утра я уже обвёл в календаре. Красным.

«До встречи, ведьмочка. Надеюсь, ты любишь философию так же, как я люблю... тебя изучать».

Глава 6

*Элитное общество «Элизиум»
Университет «Лоутергейт»
Кэролайн Блэквуд*

НОВАЯ КОЖА

Я проснулась с мыслью о нём.

Это было неправильно. Я лежала в кровати, смотрела в потолок и прокручивала в голове вчерашнюю ночь. Незнакомец в маске. Его руки на моей талии. Пальцы на коже. Дыхание. Я должна была закричать. Должна была ударить его коленом в пах. Но не сделала ничего.

Я позволила ему трогать себя. И хуже того — мне понравилось.

«Что со мной не так?»

Я перевернулась на бок и уставилась на стену. Бежевая. Пустая. Как и моя половина комнаты. Как и я сама — пустая оболочка, которая реагирует на прикосновения незнакомца в парке, хотя должна была бы вызвать полицию. Или хотя бы администрацию кампуса. Или...

— Эй, соня, ты в порядке?

Голос Лоры выдернул меня из мыслей. Она сидела на своей кровати, свесив ноги, и смотрела на меня с лёгким беспокойством. Волосы торчали в разные стороны — кажется, она только что проснулась.

— В полном, — ответила я, садясь. — Просто задумалась.

— О чём? О Витгенштейне? — она ухмыльнулась. — Брось, он того не стоит.

— О нём. Определённо.

Лора хмыкнула, но допрашивать не стала. За это я была ей благодарна.

— Тогда давай приводить тебя в порядок. У нас сегодня шопинг, забыла? Я обещала подобрать что-то, что не выглядит как униформа для сотрудников ритуальных услуг.

— Это было жестоко, — заметила я, но губы дрогнули в улыбке.

— Это была правда. А правда иногда жестока. Вставай, Блэквуд. Нас ждут великие дела. И торговый центр.

Торговый центр был именно таким, каким я его представляла: шумным, ярким, полным людей, которые куда-то спешили с пакетами и стаканчиками кофе. Никаких бутиков с консультантами в белых перчатках. Никаких ценников, от которых у Беатрис случился бы сердечный приступ — от радости или от ужаса, я не знала. Обычные магазины с обычной одеждой. И это было прекрасно.

— Так, — Лора по-деловому упёрла руки в бока. — У нас три задачи. Первая: найти тебе что-то, что не серое. Вторая: что-то, что не бежевое. Третья: что-то, что не выглядит так, будто ты собралась на заседание совета директоров. У тебя есть предпочтения?

— Я не знаю, — честно ответила я. — Я никогда не выбирала себе одежду сама.

Лора посмотрела на меня с такой смесью ужаса и жалости, что я чуть не рассмеялась.

— Боже, Блэквуд. Твоя мать — преступница. Ладно, доверься мне. Мы начнём с трёх образов, а там посмотрим, что тебе понравится.

Я задержалась взглядом на Лоре, пока она рылась в вешалках. Она двигалась быстро, уверенно, как человек, который точно знает, что ищет. И тут я вдруг поняла, что почти ничего о ней не знаю.

— Лора, — позвала я.

— Мм?

— А расскажи о себе. Ну, кроме того, что учишься на журналистике.

Она на секунду замерла с вешалкой в руке, потом усмехнулась.

— Я из маленького городка. Такого маленького, что если чихнёшь на одном конце, на другом скажут «будь здоров». Мать — учительница, отец — автомеханик. Обычная семья. Никаких поместий, никакого наследства от богатой бабки. Я здесь на стипендии.

— Твои родители, наверное, гордятся тобой.

Лора фыркнула.

— Мать — да. Отец... — она замялась, подбирая слова. — Отец хотел, чтобы я пошла на юридический. Или на медицинский. Что-то «серьёзное». А журналистика для него — это «болтовня». Он до сих пор считает, что я одумаюсь и переvedусь. Каждый раз, когда звоню, спрашивает: «Ну что, надумала?»

— Это тяжело. — Понимающе проговорила я.

— Да нет. — Она пожала плечами, но я видела, что это «нет» далось ей нелегко. — Я привыкла. Мы с отцом вообще... по-разному смотрим на жизнь. Он считает, что главное — стабильность. А я считаю, что главное — заниматься тем, что любишь. Даже если это «болтовня». — Она ухмыльнулась. — К тому же, я всегда могу написать разоблачительную статью о нём. «Автомеханик скрывает страшную тайну: он не моет руки перед едой». Представляешь заголовки?

Я рассмеялась.

— Ты серьёзно?

— Абсолютно. Журналист должен уметь находить сенсацию даже в собственной семье. Это основа профессии.

— А мама?

— Мама... — Лора вздохнула, и её улыбка стала мягче. — Мама — это святое. Она всю жизнь работала на двух работах, чтобы я могла учиться. Никогда не жаловалась. Никогда не говорила «ты должна». Просто верила в меня. Даже когда я красила волосы в зелёный и прогуливала школу.

— Ты красила волосы в зелёный? — Удивилась я.

— О да. Это было ужасно. У меня есть фото, но я тебе его не покажу. Даже не проси.

— Я не прошу. Я требую. — С улыбкой произнесла я.

— Блэквуд, ты становишься наглой. Мне это нравится.

Она подмигнула и снова нырнула в вешалки. А я стояла и думала: вот она, Лора. Шумная, дерзкая, с зелёными волосами в прошлом и отцом, который не верит в её мечту. Но она всё равно здесь. На стипендии. На журналистике. С улыбкой. И от этого я чувствовала... тепло. Рядом с ней было легко. Рядом с ней хотелось быть собой.

— Так, — Лора вынырнула из вешалок с охапкой одежды. — Хватит отвлекаться. У нас миссия. Первый образ — классический, но не скучный. Готова?

— Готова. — С предвкушением произнесла я.

Классический — но не тот классический, который представляла себе Беатрис. Никаких мешковатых жакетов и юбок до колена. Лора вручила мне белую рубашку с завязками на талии — тонкими, почти незаметными, но стоило их затянуть, как ткань обхватила фигуру, подчёркивая грудь и талию. Это было похоже на корсет — но не пошлый, не вызывающий. Элегантный. Женственный. Снизу — черная юбка, короткая ровно настолько, чтобы выглядеть сексуально, но не вульгарно. Туфли на небольшом каблучке с острым носом — для начала, ска-

зала Лора, чтобы я привыкла. И чёрный оверсайз-пиджак — для холодной погоды. И сумка. Небольшая, кожаная, с серебряной фурнитурой.

Я посмотрела на себя в зеркало и не сразу узнала. Это всё ещё была я — но другая. Та, которая могла бы войти в аудиторию и заставить людей обернуться. Не потому что Блэквуд. А потому что красива.

— Ого, — выдохнула Лора. — Если бы я не знала тебя, я бы подумала, что ты модель.

— Это... очень красиво. — Воодушевленно произнесла я.

— Это шикарно, Блэквуд. Но у нас ещё два образа.

Гранж. Рваные джинсы — почти как у Лоры, но не настолько вызывающие. Чёрная футболка с принтом, которого я не поняла, но Лора сказала, что это «легендарная группа, не позорься». Кожаная куртка, которая сидела так, будто её сшили специально для меня. Я повернулась к зеркалу и замерла. Из отражения смотрела просто Кэролайн. Которая слушает Queen. Которая держит пауков вместо кошек.

— Ого, — снова выдохнула Лора. — Это оно. Честно. Ты выглядишь так, будто сейчас пойдёшь на рок-концерт и разобьёшь там пару сердец.

— Я выгляжу так, будто меня выгнали из дома, — ответила я, но внутри что-то затрепетало.

— Это комплимент, поверь. Но у нас ещё третий образ. Давай для контраста.

Спортивный. Штаны карго — свободные, удобные, с карманами. Обтягивающая майка — мягкая, серая, подчёркивающая каждый изгиб. Кеды на толстой подошве. И украшения — Лора добавила пару серебряных цепочек и маленькие серьги-кольца. Просто и дерзко.

— Ну? — Лора скрестила руки на груди. — Какой образ берём?

Я перевела взгляд с одного комплекта одежды на другой. Классика — женственная, элегантная, с рубашкой-корсетом и юбкой. Гранж — бунтарский, рваный. Спорт — удобный, дерзкий, с цепочками и серьгами. Три версии меня. Три новые кожи.

— Все три, — сказала я.

Лора удивлённо подняла бровь.

— Все три? Блэквуд, ты меня пугаешь. В хорошем смысле. Но на пары сегодня наденешь классический. Всё-таки университет, а не рок-концерт.

— Классический, — согласилась я. — Это чтобы начать новую жизнь.

Лора просияла.

— Вот это я понимаю — шопинг. Но постой. — Она оглядела меня с головы до ног, прищурившись. — Нам нужно ещё кое-что.

— Что?

— Косметика, Блэквуд. Ты же ею не пользуешься, я вижу.

Я почувствовала, как щёки слегка порозовели.

— Беатрис говорила, что макияж — это...

— Вульгарно? — перебила Лора. — Знаю. Твоя мать вообще много чего говорит. Но мы не будем её слушать. Мы будем слушать меня. И я говорю: тебе нужна косметика. Хотя бы минимальный набор. Тональник, пудра, румяна, помада, подводка. Всё. Это не вульгарно. Это красиво.

Я колебалась. С одной стороны, голос Беатрис всё ещё звучал в голове: «Настоящая леди не красится, как уличная девка». С другой стороны, Лора смотрела на меня с таким энтузиазмом, что отказать было невозможно.

— Ладно, — сдалась я. — Но я ничего в этом не понимаю.

— Для этого у тебя есть я. Пошли.

Она схватила меня за руку и потащила в магазин косметики. Там было ярко, шумно, пахло цветочными духами и чем-то сладким. Консультанты сновали между стеллажами, предлагая пробники. Я растерялась. Но не Лора.

— Так, нам нужно: тональная основа, лёгкая, чтобы не было эффекта маски. Пудра. Румяна — что-то персиковое, под твой тон кожи. Помада — нюдовая, но не бледная. И подводка. Чёрная. Классика. Доверься мне.

Я доверилась. Через полчаса мы вышли из магазина с небольшим пакетом, в котором лежали шесть предметов. Я смотрела на них и чувствовала странное волнение. Это была не просто косметика. Это был ещё один шаг. Ещё одна новая кожа.

— Лора, — сказала я, останавливаясь.

— Мм?

— Спасибо. Серьёзно. Ты... ты сделала для меня больше, чем кто-либо за последние несколько лет.

Лора отмахнулась, но я видела, как её щёки чуть порозовели.

— Брось, это просто шопинг.

— Нет, не просто. — Я взяла её за руку и потянула обратно в магазин. — Я хочу тебя отблагодарить.

— Блэквуд, не надо...

— Надо. — Громко и с энтузиазмом произнесла я.

Я подошла к стеллажу с духами и выбрала флакон — лёгкий, цветочный, но не приторный. Такой, который подходил Лоре: яркий, но не кричащий. И палетку теней — тёплых оттенков. Протянула ей.

Лора замерла. Посмотрела на флакон, на палетку, потом на меня.

— Кэролайн, это слишком. Я не могу...

— Можешь. Ты помогла мне с одеждой. Ты помогла мне с косметикой. Ты... — я запнулась, подбирая слова. — Ты первая, кто отнёсся ко мне как к человеку. Это дорогого стоит.

Лора моргнула. Её глаза подозрительно заблестели.

— Знаешь... — её голос дрогнул. — Никто не делал для меня такого. Кроме матери. Она однажды подарила мне духи на выпускной. Сказала: «Ты заслуживаешь пахнуть счастьем». И эти духи... они пахли точно так же. Как счастье. — Она сглотнула. — Спасибо, Кэролайн. Честно.

Мы обнялись прямо там, в магазине, и мне было всё равно, что на нас смотрят. Это был странный момент — две девушки из совершенно разных миров, которые нашли друг друга в торговом центре. Но это был настоящий момент. Живой. Тёплый. Мой.

— Так, — Лора отстранилась и шмыгнула носом. — Хватит сантиментов. Сейчас я накрашу тебя перед парой, чтобы ты сияла. Только забежим в «Элизиум».

Мы вернулись в общежитие за час до философии. Лора усадила меня перед зеркалом и принялась колдовать. Тон лёг ровно, скрывая следы бессонной ночи. Пудра закрепила. Румяна добавили свежести. Подводка — совсем тонкая линия — сделала глаза выразительнее. Помада — нюдовая, чуть темнее моих губ — довершила образ.

— Готово, — объявила Лора, отступая. — Смотри.

Я повернулась к зеркалу. Из отражения на меня смотрела... я. Но другая. Та, которая всегда пряталась где-то внутри, под серыми костюмами и материнскими запретами. Кожа сияла. Глаза сияли. Я сияла.

— Ну как? — Лора заглядывала мне через плечо.

— Я... я себе нравлюсь, — сказала я тихо. И это было правдой. Впервые за долгое время — правдой.

— Отлично. Потому что ты красивая, Блэквуд. И пора бы тебе это запомнить. А теперь пошли на философию. Витгенштейн сам себя не объяснит.

Мы с Лорой вошли в аудиторию одними из первых. Студенты ещё только подтягивались, занимали места, доставали ноутбуки и конспекты. Лора села у окна, я — рядом, продолжая болтать о том, что Витгенштейн — зануда, а Ницше — позёр, но хотя бы весёлый.

Я чувствовала себя... по-другому. Рубашка мягко обхватывала талию, юбка приятно касалась бёдер, туфли добавляли роста. Макияж был лёгким, почти неосязаемым, но я знала, что он есть — и это знание придавало уверенности. Я не привыкла к такой одежде. Но она мне нравилась. Она была моей. Не выбранной матерью. Не навязанной. Моей.

И тут дверь открылась.

Разговоры стихли. Не сразу — волной. Сначала замолчали те, кто сидел ближе к входу, потом те, кто дальше. Я подняла голову.

В аудиторию вошёл он.

Парень с мотоцикла. Тот самый, который отшил девушку у ворот кампуса. Тот самый, который смотрел на меня несколько минут, не отводя взгляд. Чёрные волосы. Голубые глаза. И рост — он был огромным. Не просто высоким — мощным, широкоплечим, под метр девяносто, а то и больше. Когда он прошёл через дверной проём, ему пришлось слегка пригнуться, и от этого жеста — такого обыденного, но такого хищного — у меня перехватило дыхание. Он заполнил собой всё пространство. Воздух вокруг него стал плотнее, тяжелее. Я почувствовала себя маленькой. Не хрупкой — именно маленькой. Как будто он был деревом, а я — тенью у его корней.

«Господи, какой же он огромный. Почему я не заметила этого в первый раз? Хотя нет, понятно почему — я стояла далеко от него. Расстояние скрадывало масштаб. А сейчас он прошёл в полуметре, и я почувствовала себя мышью рядом со слоном. Нет, не мышью. Мышью рядом с удавом. Который смотрит. И, кажется, уже знает, как я буду выглядеть, когда он меня проглотит».

Сегодня он был одет иначе — не в футболку, а в чёрное поло с расстёгнутыми верхними пуговицами. Классические широкие штаны. Лоферы. Он выглядел так, будто только что сошёл с обложки журнала — и явно знал об этом. А потом он прошёл мимо моего ряда. Медленно. Слишком медленно. И вдруг — его низкий голос прозвучал совсем рядом:

— Новый образ?.. Неплохо.

Я не повернулась. Не подала виду. Но внутри что-то дрогнуло. Он заметил. Заметил мой новый образ. И сказал, что это неплохо. Я не знала этого парня — мы даже не были знакомы. Но его слова всё равно отозвались где-то глубоко, тёплой волной прокатились по груди.

Он уже прошёл дальше и сел на последний ряд. Один. Как будто остальные места были зарезервированы для пустоты. А я осталась сидеть, глядя прямо перед собой, с колотящимся сердцем и вопросом, который пульсировал в висках: что ему нужно от меня?

— Комплимент от Торна? — Лора присвистнула. — Ничего себе. Ты хоть понимаешь, кто он?

— Кто? — я повернулась к ней. — Ты его знаешь?

— Николас Торн, — Лора понизила голос, наклонившись ближе. — Третий курс. Кибербезопасность. Говорят, он ворочает делами, от которых у прокурора случился бы инфаркт. Информация, шантаж, компромат — всё, что можно продать, он продаёт. Ходят слухи, что у него связи в самых верхах и что его клиенты — люди, чьи фамилии не произносят вслух.

— И никто его не трогает? — спросила я.

— Его родители — владельцы компании по разработке программного обеспечения для медицины. Знаешь, все эти диагностические системы, базы данных пациентов — всё, чем пользуются в больницах, вероятно, их рук дело. Очень влиятельные. Очень богатые. Странно, что ты их не знаешь. Но он с ними не общается. Сбежал из дома в шестнадцать лет.

— Почему?

Лора пожала плечами.

— Никто не знает. Он почти не рассказывает, при каких обстоятельствах это произошло. Но с тех пор он сам по себе. Ни копейки от родителей не берёт. Всё, что у него есть, заработал сам. Ну, или «заработал», — она показала пальцами кавычки. — С его-то талантами.

— Ещё говорят, что он ловелас. Все женщины, что с ним связывались, потом либо отчислились, либо просто исчезали из поля зрения. Но, как видишь, — она кивнула на девушек, которые до сих пор оборачивались на задний ряд, — поклонниц у него меньше не стало. Опасность притягивает. Особенно такая красивая.

— Красивая? — я невольно хмыкнула. — Ты про опасность или про него?

— Про него, Блэквуд. Ты что, не заметила? Этот парень — ходячая катастрофа. Но одет как модель. И смотрит так, будто уже знает о тебе всё. Жутковато, если честно.

Я перевела взгляд на Торна. Он сидел, откинувшись на спинку стула, и смотрел прямо перед собой. Но я чувствовала: он знает, что мы говорим о нём. Чувствовала по тому, как чуть дрогнул уголок его губ.

— Он сделал мне комплимент, — сказала я тихо. — Мы не знакомы. Зачем ему это?

Лора пожала плечами, но её глаза блеснули — тем самым журналистским блеском, который означал, что она учуяла историю.

— Торн никогда не делает комплиментов, Кэрри. Никогда. Я слышала, как он разговаривает с людьми — с женщинами, с профессорами, с теми, кто пытается к нему подлизаться. Он либо молчит, либо отвечает так, что человек потом неделями восстанавливает самооценку. А тут — «неплохо». Для него это практически признание в любви.

— Не смешно.

— А я и не шучу. — Она наклонилась ближе, понизив голос. — Торн не делает ничего просто так. Если он обратил на тебя внимание — значит, у него есть причина. И я очень сомневаюсь, что причина — твои прекрасные глаза.

Я фыркнула, но внутри что-то сжалось.

— Может, он просто... не знаю. У него настроение хорошее?

— У Торна не бывает хорошего настроения. У него либо рабочее настроение, либо «отойдите, пока я вас не испепелил». Третьего не дано. — Лора отпила кофе и задумалась. — Слушай, а ты точно его нигде не видела? Может, он тебя знает? Ну, через твою семью? Блэквуды — это же элита. А он в этих кругах как рыба в воде. Мог пересечься с твоей матерью, например.

— Если бы он пересекался с моей матерью, он бы не стал делать мне комплимент, — сухо ответила я. — Беатрис отбивает желание общаться с Блэквудами у всех, кто имеет с ней дело.

Лора хмыкнула.

— Что?

— Ничего. Просто будь осторожна. С такими, как он, шутки плохи.

Я кивнула. Но внутри что-то дрогнуло. Не страх. Не осторожность. Любопытство. Опасное, тёмное любопытство, от которого невозможно избавиться.

Дверь снова открылась — на этот раз вошёл профессор. Пожилой, с седой бородой и потрёпанным портфелем. Он оглядел аудиторию поверх очков, задержался взглядом на заднем ряду и вдруг замер.

— Мистер Торн? — его голос звучал удивлённо. — Какая честь. Чем мы обязаны вашему визиту? По аудитории пробежал смешок. Торн не шевельнулся.

— Решил, что мне не хватает мудрости, профессор, — ответил он. Его голос — низкий, холодный — заполнил аудиторию. — Пришёл впитывать знания.

Профессор хмыкнул, явно не поверив, но комментировать не стал. Началась лекция.

Я старалась слушать. Честно старалась. Но каждую секунду чувствовала его взгляд на своём затылке. Тяжёлый. Изучающий. Такой же, как тогда, у ворот. Я повернулась — ровно настолько, чтобы увидеть его боковым зрением. Он смотрел прямо на меня. Не на профессора. Не на доску. На меня.

Я закатила глаза и отвернулась. Но внутри что-то дрогнуло. Что-то, чему я не знала названия.

Глава 7

*Университет «Лоутергейт»
Кэролайн Блэквуд*

ПАУТИНА

Пара закончилась. Студенты потянулись к выходу, собирая конспекты и ноутбуки. Я задержалась.

— Лора, подожди меня в коридоре. Я сейчас.

Лора подняла бровь, но спорить не стала. Она бросила короткий взгляд на задний ряд, где всё ещё сидел Торн, и вышла.

Я осталась. Сердце колотилось, но я заставила себя повернуться. Торн не двинулся с места. Он сидел, откинувшись на спинку стула, и смотрел на меня с тем же ленивым, изучающим выражением, что и всегда.

— Что тебе от меня нужно? — спросила я. Голос прозвучал ровно. Лучше, чем я ожидала.

— Прости? — Торн чуть склонил голову набок.

— Ты слышал. Ты смотришь на меня с первого дня. Ты сидишь на заднем ряду и сверлишь мне затылок. Ты проходишь мимо и делаешь комплименты, хотя мы не знакомы. Что тебе нужно?

Он помолчал. Потом его губы тронула та самая полуулыбка.

— Блэквуд, — протянул он. — Ты слишком много на себя берёшь.

— Что?

— Ты решила, что я здесь из-за тебя. — Он лениво повёл плечом. — Это... самонадеянно. Может, мне просто нравится сидеть на заднем ряду. А ты просто сидишь на линии моего взгляда. Не принимай на свой счёт.

— Ты проходишь мимо и делаешь замечания о моей внешности. Это тоже «линия взгляда»?

— Я оценил твой новый образ. Это называется вежливость. Слышала о таком?

— Почему тебя волнует то, как я выгляжу?

Он чуть подался вперёд. Его ледяные глаза блеснули.

— Блэквуд, — сказал он тихо. — Если бы ты была мне интересна, ты бы знала об этом. Поверь.

— Ты лжёшь.

Он рассмеялся. Тихо, грудью — тот самый беззвучный смех, от которого у меня мурашки побежали по спине.

— Может быть. А может, ты просто хочешь, чтобы я лгал. Это ведь приятнее, чем правда? Думать, что ты особенная. — Он откинулся обратно. — Не льсти себе, Блэквуд. Ты мне не интересна.

Я хотела ответить — резко, колко, — но не успела. Потому что в следующую секунду он встал. Одним плавным, текучим движением поднялся со стула и шагнул ко мне. Ближе. Слишком близко. Я попятилась — и упёрлась спиной в край парты. Его руки легли по обе стороны от меня, запирая в клетку. Я оказалась зажата между ним и столешницей. Он нависал надо мной — огромный, горячий, пахнущий табаком. Его лицо было в нескольких сантиметрах от моего. Я почувствовала его дыхание — ровное, спокойное. В отличие от моего.

— Что... что ты делаешь? — выдохнула я, ненавидя себя за дрожь в голосе.

— Ничего. — Его голос был низким, почти шёпотом. — Ты хотела внимания. Вот оно. Нравится?

Я молчала. Сердце колотилось где-то в горле. Его ледяные глаза смотрели прямо в мои — и в них было что-то, чего я не могла понять. Не злость. Не насмешка. Что-то другое. Что-то опасное.

— Ты дрожишь, — заметил он. — От страха?

— От холода, в аудитории открыты окна.

— Лжешь, Блэквуд.

Его губы дрогнули. Он наклонился ещё ближе — и на секунду мне показалось, что он сейчас...

— Кэролайн!

Голос Лоры раздался от двери. Я вздрогнула. Торн не шевельнулся — только перевёл взгляд на неё, как на незначительную помеху.

— Мы опаздываем, — сказала Лора. Её голос звучал жёстко. — Пойдём. Сейчас.

Торн медленно, очень медленно отстранился. Его руки соскользнули с парты. Он выпрямился во весь свой огромный рост и посмотрел на меня сверху вниз — с той же надменной улыбкой, от которой у меня сводило скулы.

— Приятно было поболтать, Блэквуд, — сказал он.

Я развернулась и пошла к выходу, чувствуя, как его взгляд жжёт мне спину. Лора взяла меня под руку и вывела в коридор.

— Что это было? — спросила Лора, как только дверь закрылась.

— Сама не знаю. Он... он прижал меня к парте.

— Я видела. — Лора сжала мою ладонь. — Кэр, этот парень — псих. Ты же понимаешь это?

— Понимаю, — сказала я. Но внутри что-то дрогнуло. Потому что, когда он был так близко, когда его дыхание касалось моей щеки, я не хотела, чтобы он отстранялся. И это пугало меня больше всего.

— Ты дала ему то, что он хотел — эмоции, — продолжала Лора, пока мы шли по коридору. — Он тебя провоцировал, а ты повелась. Не делай так больше.

— Ты думаешь, он специально?

— Да. У таких, как он, нет случайных действий. Он прижал тебя к парте не потому что ты ему интересна, а потому что хотел посмотреть, как ты отреагируешь. И ты отреагировала. Он это запомнил.

Я не ответила. Потому что знала: Лора права. Но часть меня — та самая, тёмная, — не хотела, чтобы он переставал смотреть.

Мы дошли до «Элизиума» молча. Лора что-то говорила о предстоящем тесте по журналистике, но я её почти не слушала. Мысли всё ещё крутились вокруг Торна. Его взгляда. Его слов. Его рук, которые на секунду заперли меня в клетку.

Я открыла дверь в комнату — и замерла на пороге.

На моей кровати лежал букет. Огромный. Из тёмно-бордовых пионов. Цветы были перевязаны чёрной лентой, и от них пахло так, будто их только что срезали. Сладко и маняще.

А рядом с букетом лежала маленькая чёрная коробочка.

— Ого, — выдохнула Лора за моей спиной. — Это тебе?

Я подошла ближе. Открыла коробочку. Внутри, на чёрном бархате, лежало кольцо. Чёрное золото. Тонкая полоска металла, обвивающая миниатюрного паука — чёрную вдову с красной меткой на брюшке. Глаза паука были сделаны из крошечных янтарных камней.

— Кэролайн, — прошептала Лора. — Это... это выглядит очень дорого. И очень жутко.

Я взяла кольцо в руки. Оно было холодным. Тяжёлым. И когда я машинально надела его на палец, оно село идеально. Как влитое. Я попыталась снять — и почувствовала, как металл царапнул кожу. Остро. До крови.

— Оно не снимается, — сказала я.

— Что значит «не снимается»? — С удивлением произнесла Лора.

— Оно... у него какой-то механизм. — Я покрутила кольцо, пытаюсь найти застёжку. — Оно надевается легко, а обратно...

— Дай я. — Лора подошла, взяла мою руку, попыталась снять кольцо. Оно снова царапнуло кожу. — Чёрт. Больно?

— Немного. — Я смотрела на паука, который теперь сидел на моём пальце, как живой. — Кто-то знает обо мне. О пауках. О моих глазах. О моей комнате.

Мой телефон пискнул. Я достала его из сумки. Сообщение с неизвестного номера. Всего два слова:

«Понравился подарок, ведьмочка?»

Сердце упало. Я молча показала экран Лоре. Она прочитала и выругалась сквозь зубы.

— Заблокируй его.

Я заблокировала. Руки дрожали. Лора стояла рядом, готовая действовать.

Через минуту — новый писк. Другой номер. Другое сообщение:

«Нехорошо блокировать того, кто делает тебе подарки. Придётся наказать».

Я заблокировала и этот. Лора смотрела на меня с тревогой.

— Кэр, это уже серьёзно. Давай обратимся к администрации. Или в полицию. Это сталкер.

— Нет, — сказала я быстрее, чем подумала. — Не надо никуда обращаться.

— Почему?

Я не знала, что ответить. Потому что часть меня — та самая, тёмная, которую я не показывала никому, — не хотела, чтобы это прекращалось? Потому что этот страх смешивался с чем-то ещё? Потому что я хотела знать, кто он?

— Просто... пока не надо. Я сама разберусь.

Лора смотрела на меня долго. Потом вздохнула.

— Ладно. Но если что — я рядом.

— Спасибо.

Она перевела взгляд на кольцо на моём пальце.

— Почему паук? — спросила она тихо.

Я покрутила кольцо. Оно всё ещё царапало кожу при попытке снять.

— Потому что у меня есть друзья, — сказала я. — Два птицеёда. Шелоб и Нокс. Они сейчас на передержке. Тот, кто это прислал, знает о них.

Лора удивлённо моргнула.

— У тебя есть пауки? Настоящие?

— Настоящее некуда. Здоровые, мохнатые, с лапками. Шелоб размером с блюдце, Нокс — поменьше, но зато кудрявый. Они прекрасны.

— И ты... ты их держишь? Дома? В своей комнате?

— В террариумах, если ты об этом. Хотя Нокс однажды сбежал, и мне пришлось ловить его под кроватью в три часа ночи. Весело было.

Лора моргнула ещё раз. Кажется, она пыталась переварить информацию.

— И ты их... любишь?

— Больше, чем большинство людей, — сказала я честно. — Они не задают глупых вопросов. Не оценивают мою одежду. Не говорят, что я недостаточно хороша. Просто сидят в своих террариумах, плетут паутину и ждут сверчков. Идеальные соседи.

— Блэквуд, — сказала Лора, отсмеявшись, — ты вообще нормальная?

— Абсолютно. Это все вокруг странные.

Лора помолчала. Потом вдруг улыбнулась — широко, искренне.

— Кэрри, ты полна сюрпризов. Почему ты не привезла их с собой, если они тебе дороги?

— Потому что мать была против. И я не знала, разрешат ли в общежитии.

— Надо узнать. — Лора решительно кивнула. — Я поговорю с администратором. Если разрешат — перевезём их сюда. Что им нужно? Террариум, корм? Я помогу.

Я почувствовала, как внутри что-то теплеет.

— Ты серьёзно?

— Абсолютно. Твои пауки — это часть тебя. А я хочу, чтобы тебе здесь было хорошо. Со всеми твоими... особенностями.

Я не нашлась, что ответить. Просто смотрела на неё и чувствовала благодарность — огромную, тёплую, почти до слёз.

Мой телефон зазвонил снова. Но на этот раз это была не смс. Это был звонок. От мамы.

Я переглянулась с Лорой и ответила.

— Да, мама.

— Кэролайн. — Голос Беатрис звучал... иначе. Мягче. Спокойнее. — Как прошёл твой первый день?

Я чуть не выронила телефон. Беатрис никогда не спрашивала, как прошёл мой день. Она спрашивала об оценках. О расписании. Обо всём. Но не о том, как я.

— Хорошо, — ответила я осторожно. — Мы с Лорой ходили на философию. У нас смежные пары.

— Это замечательно. Я рада, что ты нашла подругу. — Пауза. — Ты... ты хорошо выглядишь? Ты выспалась?

Я моргнула. Это было настолько непохоже на неё, что я не знала, как реагировать.

— Да, мама. Всё в порядке.

— Хорошо. Я просто хотела убедиться. Спокойной ночи, Кэролайн.

— Спокойной ночи.

Она повесила трубку. Я осталась стоять с телефоном в руке, глядя в пустоту.

— Что-то случилось? — спросила Лора.

— Она была... вежлива. Впервые. Я не понимаю.

— Может, она тоже меняется? Как ты?

— Беатрис не меняется. — Я покачала головой. — Что-то не так.

Но я не знала, что именно. И от этого было тревожно.

Вечером я сидела на кровати, глядя на букет. Огромный. Тёмно-бордовые пионы. Красиво. Жутко. Кольцо с чёрной вдовой всё ещё было на пальце — я так и не смогла его снять, сколько ни пыталась. Оно царапало кожу при каждой попытке, будто предупреждало: не трогай.

— Знаешь, — сказала я, не отрывая взгляда от цветов, — когда я думала о поступлении в Лоутергейт, я представляла себе лекции, учебники, может быть, скучных профессоров. Я не думала, что попаду в сюжет второсортного романа.

Лора фыркнула с соседней кровати.

— Второсортного? Ну знаешь, Блэквуд, у твоего сталкера хотя бы вкус есть. Букет шикарный. Кольцо — авторская работа, явно на заказ. И сообщения с драматической паузой. Тянет на твёрдый бестселлер.

— Рада, что ты оценила.

— Всегда пожалуйста. — Она села, скрестив ноги. — Слушай, хочешь прогуляться? Проветримся заодно, обмозгуем прошедший день.

Я слегка улыбнулась.

— Да, пожалуй, прогуляюсь. Но сегодня в одиночестве, если ты не против.

Лора прищурилась.

— Не боишься, что твой сталкер объявится?

— Я буду недалеко от общежития. В парке, где фонари и люди. Если что — закричу. Ты услышишь.

— Смотри у меня. — Она погрозила пальцем, но в её голосе не было настойчивости. — Если через час не вернёшься — я вызываю полицию. Или, ещё лучше, администратора. Представляешь его лицо, когда я скажу, что Блэквуд похитили?

— Представляю. Он, наверное, решит, что ты шутишь.

— А я не буду шутить. — Лора легла обратно и натянула одеяло. — Ладно, иди. Но телефон держи при себе. И если что — сразу звони.

— Обещаю.

Я надела новый спортивный костюм — тот самый, что мы купили с Лорой: штаны карго, обтягивающую майку и сверху толстовку. Кольцо с чёрной вдовой блеснуло на пальце. Я уже привыкла к его тяжести. Почти.

Парк встретил меня тишиной. Те же дубы, те же тусклые фонари, та же мощёная дорожка. Я шла медленно, засунув руки в карманы, и пыталась собрать мысли в кучу.

Торн. Его слова — «ты мне не интересна». Его руки, запирающие меня в клетку. Его дыхание на моей щеке. Всё это было игрой. Я знала, что это игра. Но почему тогда моё сердце колотилось быстрее, когда он был рядом?

Кольцо. Чёрная вдова с янтарными глазами. Тот, кто его прислал, знал обо мне слишком много. Знал про пауков. Знал про цвет моих глаз. Знал, в какой комнате я живу.

Сообщения. «Понравился подарок, ведьмочка?» «Придётся наказать». Угроза или обещание? И почему меня это не пугало так, как должно было?

Мать. Её голос — мягкий, почти тёплый. «Я рада, что ты нашла подругу». Беатрис никогда не говорила так. Никогда. Что-то изменилось. Но что? И почему это пугало меня больше, чем сталкер с кольцом?

Я так глубоко ушла в свои мысли, что не сразу заметила его.

Он стоял под тем же дубом, что и в прошлый раз. Чёрная толстовка, капюшон, надвинутый на лицо. Белая маска с застывшей улыбкой — неестественно широкой, пугающей.

Моё сердце пропустило удар. Я остановилась.

Он не двигался. Просто стоял и смотрел. А потом поднял руку — медленно, плавно — и приложил палец к белым губам маски.

«Молчи». «Ты знала, что я приду».

Глава 8

*Элитное общество «Элизиум»
Кэролайн Бэквуд*

ТИШИНА

Он стоял под дубом — всё та же чёрная толстовка, капюшон, белая маска с застывшей улыбкой. Я смотрела на него и молчала. Сердце колотилось где-то в горле, но я не двигалась. Не убегала. Хотя, наверное, должна была.

Он не исчезал, как в прошлый раз. Просто стоял и смотрел. Улыбка скалилась в темноте.

— Долго будешь стоять? — спросила я. — Или у вас, сталкеров, это называется «создание атмосферы»?

— У вас? — он хмыкнул. — Ты говоришь так, будто я состою в профсоюзе.

— А ты не состоишь?

— Нет. Я индивидуалист.

— Это заметно. Индивидуалист в маске, который прячется по кустам. Очень... впечатляюще.

Он шагнул ко мне. Один шаг. Медленный.

— Ты сегодня разговорчивая. В прошлый раз дрожала и молчала. Прогресс.

— Я адаптируюсь. Это называется эволюция. Слышал?

— Слышал. — Он сделал ещё шаг. — И мне нравится. Но не думай, что я не заметил, как ты пытаешься скрыть страх за словами. Это мило. Но бесполезно. Я слышу твоё дыхание. Оно сбилось.

— Это от холода.

— Лжёшь. — Он был уже совсем близко. — Твои соски напряглись. Я вижу. Это не от холода, ведьмочка. Это от меня.

Я скрестила руки на груди, надеясь, что он не заметит, как я покраснела.

— Ты слишком много о себе думаешь.

— А ты слишком много врёшь. Тебе это не идёт. Ты вообще не создана для лжи. Твоё тело тебя выдаёт. Вот сейчас — ты сжала бёдра. Думаешь, я не заметил?

Я замерла.

— Твоя мамочка, наверное, говорила тебе, что ты некрасивая, — сказал он. Не спросил. Констатировал. — Что у тебя отцовские глаза, никакого шарма. Что ты не оправдала ожиданий. Что ты бракованная копия.

Внутри что-то оборвалось. Он произнёс это так легко, так внезапно, будто читал по бумажке. Слова, которые моя мать вбивала мне в голову годами. Слова, от которых я просыпалась в холодном поту. Слова, которые я никогда, никому не рассказывала.

— Откуда ты... — мой голос дрогнул.

— Я знаю о тебе всё, ведьмочка. Я же говорил. — Он провёл пальцем по моей щеке. — И знаешь, что? Твоя мать ошибалась.

Я смотрела на него, не в силах говорить.

— Она говорила, что ты некрасивая? Ложь. Ты красивая. Очень. Она говорила, что у тебя нет шарма? Блядь. У тебя его столько, что я не могу отвести взгляд. Она говорила, что ты недостаточно хороша? — Он наклонился ближе, его шёпот стал интимным, почти нежным. — Она ошибалась.

Я не знала, что ответить. Мои глаза защипало. Он только что повторил слова матери — и разбил их. Те самые слова, которые разрушали меня годами, он произнёс и растоптал. И теперь я стояла перед ним — человеком в маске и чувствовала, как внутри что-то ломается. Что-то, что держало меня в клетке.

— Зачем ты это говоришь? — прошептала я.

— Потому что это правда. А я, в отличие от твоей матери, не вру. — Его пальцы скользнули вниз, по шее, по ключице. — Но есть одна вещь, которую я хочу исправить.

— Какую?

— Ты слишком много огрызаешься. Это мило. Но заслуживает наказания.

Он резко развернул меня — я не успела опомниться, как оказалась прижатой к стволу дуба, лицом к коре. И в этот момент я почувствовала его. Не руками. Не словами. Всем телом. Он прижался ко мне сзади, и я ощутила его возбуждение — твёрдое, горячее, упирающееся в мою задницу. Огромное. Настолько, что у меня перехватило дыхание. Не просто большой — пугающе, как оружие, которое он прятал под одеждой и которое теперь заявляло о себе без слов.

Мои щёки вспыхнули. Внутри всё сжалось — не от страха, а от какого-то первобытного, тёмного предвкушения. Он был огромен. И он хотел меня. Эта мысль пульсировала где-то внизу живота, отдаваясь горячей волной по всему телу.

— Что ты делаешь? — выдохнула я, пытаясь скрыть дрожь в голосе.

— Наказываю плохую девочку.

Шлепок. Сильный. Такой, что я вскрикнула. Не от боли — от неожиданности. Кожа под тканью штанов загорелась. Я знала: там останется след. Красный. Чёткий. Его собственность.

— Это за «индивидуалиста в маске», — сказал он.

— Ты... — я хотела огрызнуться, но не успела.

Второй шлепок. По тому же месту. Ещё сильнее. Я застонала, впиваясь ногтями в кору дуба. Было больно. И было... горячо. Слишком горячо. Я чувствовала, как пульсирует кожа, как жар разливается по телу, спускаясь ниже.

— Ты хочешь ещё? — спросил он. Его ладонь легла на горячее место — не ударила, просто легла. Тяжёлая. Горячая. — Хочешь, чтобы я продолжил? Или ты поняла, кто здесь главный?

— Да... — выдохнула я.

— Умница. — Его ладонь погладила ушибленное место, и от этого контраста — боль и нежность — у меня подкосились колени. — Ты быстро учишься. Мне нравится. Но одной «умницы» недостаточно. Скажи: ты хочешь ещё? Или ты поняла?

— Я поняла.

— Что ты поняла?

— Что ты... — я запнулась. Слова застревали в горле. Его пальцы сжали сильнее.

— Я жду.

— Что ты главный, — выдохнула я. — Что ты... контролируешь.

— Ведьмочка... Ты быстро учишься.

— Я тебя ненавижу.

— Нет. — Его рука скользнула вниз, на моё бедро. — Ты хочешь меня. Разница огромная.

— Я не...

— Тихо. — Его пальцы сжались на бедре. — Не лги мне. Я чувствую, как ты дрожишь. Я чувствую твой пульс. Вот здесь. — Он провёл пальцами по внутренней стороне бедра. — И здесь. — Его рука скользнула под мои штаны. — Ты мокрая. Очень мокрая. Это из-за меня?

Я молчала, кусая губы. Он не нуждался в ответе. Его пальцы двигались медленно, изучающе.

— Ответь, — прошептал он. — Это из-за меня?

— Да, — выдохнула я, и в этом слове было больше правды, чем во всём, что я говорила раньше.

— Хорошая девочка. — Его голос стал ниже, интимнее. — Мне нравится, когда ты честна. Это возбуждает.

— Ты... ты всегда такой?

— Какой?

— Уверенный. Наглый. Будто весь мир у твоих ног.

— Только когда ты рядом. — Его пальцы продолжили движение, и я застонала, не в силах сдержаться. — Тише. Не кричи. Ты же не хочешь, чтобы кто-то пришёл и увидел тебя такой? Прижатой к дереву. С моей рукой в штанах. С текущими бёдрами. Ты же не хочешь, чтобы кто-то узнал, какая ты на самом деле?

— Какая? — выдохнула я.

— Живая. — Он коснулся маской моего уха — Не та серая мышь, которую видит твоя мать. А настоящая. Которая стонет, когда её трогают. Которая хочет. Которая горит.

— Я... — слова путались. Его пальцы двигались быстрее, и я была уже на грани. — Я сейчас...

Он остановился.

Убрал руку. Медленно. Почти лениво. Я осталась стоять, прижавшись к дубу, с дрожащими коленями и пульсирующей пустотой внутри. Воздух вокруг стал холоднее, и я почувствовала, как горят щёки. Он всё ещё стоял сзади, и я всё ещё чувствовала его — огромного, твёрдого, готового. Но он не двигался. Просто ждал. Издевался.

— Что... — выдохнула я. — Почему ты...

— Потому что ты не заслужила, — сказал он. Его голос был спокойным, но в нём появилась новая интонация. Не просто холодная. Ревнивая. — Ты непослушная, ведьмочка. Водишься с другими парнями.

— Какими ещё парнями? — я всё ещё пыталась отдышаться. Мысли путались.

— Ну, например, этот... как его... — он сделал паузу, будто вспоминал, хотя я чувствовала: он издевается. — Торн. Николас Торн. Высокий, симпатичный, с ледяными глазами. Вы с ним сегодня мило беседовали после пары. Он даже прижал тебя к парте. Я видел.

Внутри что-то оборвалось.

— Ты... ты следил за мной? В аудитории?

— Я всегда слежу. — Он провёл пальцем по моей щеке. — И мне не понравилось то, что я увидел. Ты позволяешь ему быть слишком близко. Он тебя трогал?

— Это не твоё дело.

— Ответь. — Его рука легла на моё горло. Не сжала. Просто легла. Напоминание. — Он тебя трогал?

— Нет, — выдохнула я. — Он просто... прижал меня к парте. И всё.

— «И всё», — передразнил он. — Ты дрожала. Я видел. Ты смотрела на него так же, как сейчас смотришь на меня. Тебе нравится, когда тебя прижимают к твёрдым поверхностям, ведьмочка?

— Я...

— Не лги. — Его пальцы чуть сжались. — Я знаю, что тебе нравится. Я знаю, чего ты хочешь. Но ты должна понять одну вещь: ты моя. Не его. Моя. И когда ты позволяешь другим мужчинам быть рядом с тобой — ты меня злишь. А когда я злюсь, ты не получаешь то, чего хочешь. Всё просто.

— Ты сумасшедший, — прошептала я. — Ты даже не знаешь меня. Ты не можешь решать, с кем мне общаться.

— Могу. — Он наклонился ближе, и я снова почувствовала его — твёрдого, огромного, прижатого ко мне. — Потому что ты сама дала мне это право. Ты пришла сюда. Ты надела моё

кольцо. Ты позволила мне трогать тебя. Ты почти кончила от моих пальцев. Ты чувствуешь, что происходит? Чувствуешь, мой стояк? Это всё ты. Ты моя, ведьмочка. Просто признай это.

— Нет...

— Лжёшь. — Его голос стал ниже, интимнее. — Ты моя с первой секунды. С первого взгляда. Ты просто ещё не поняла. Но поймёшь. А пока — запомни: я не делюсь. Ни с Торном. Ни с кем либо ещё. Ещё раз увижу, что он к тебе прикасается — и он пожалеет.

— Ты не знаешь Торна. Он опасен.

Фантом рассмеялся. Тихо. Грудью. Искренне.

— Опасен? Торн? — он покачал головой. — Ты даже не представляешь, кто на самом деле опасен, ведьмочка.

Его рука соскользнула с моего горла.

— А теперь иди. Возвращайся в общежитие. Прими холодный душ. Думай обо мне. И помни: я слежу. Всегда. И если ты будешь хорошей девочкой — в следующий раз я позволю тебе кончить. Обещаю.

— Я тебя ненавижу, — сказала я, но голос дрогнул.

— Нет. — Он коснулся маской моего уха. — Ты хочешь меня. И это взаимно. Спокойной ночи, ведьмочка.

Он отступил в темноту. Белая улыбка исчезла последней, как у Чеширского кота.

Я осталась одна — с дрожащими ногами, горячей кожей и желанием, которое он оставил неудовлетворённым. И с его словами, которые звенели в голове.

«Ты моя».

«Я не делюсь».

«Ты даже не представляешь, кто на самом деле опасен».

Кто ты, Фантом? И почему, когда ты говоришь о Торне, твой голос звучит так... знакомо?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.